

К 84.2 Рос 6
Э 74

Евгений
ЭРАСТОВ

Облако

стихи

84.2Росб

363794

Э74

Эрастов Е.

Облако. Стихи.

1933г

260р

а

Центральная библиотека
им. Т. Г. Шевченко
УВС Пржемыского р-на
г. Горького

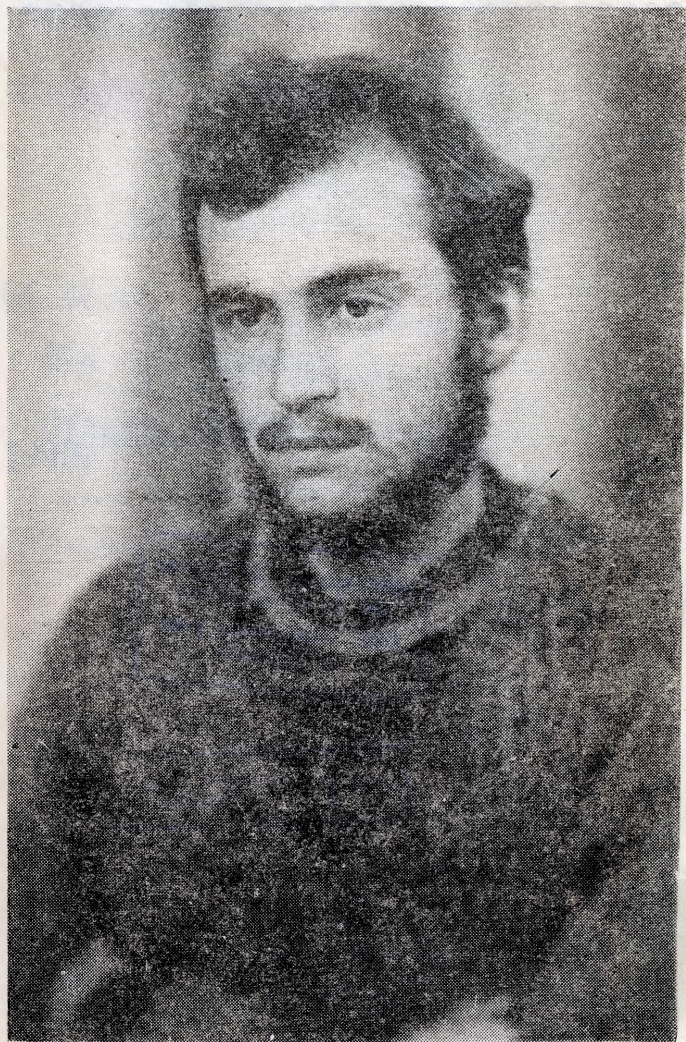
д

сервисная с/м.
г. Горького

Издательство

НГМИ

К 84.2.Рос 6
Э 74

Евгений
ЭРАСТОВ

Библиотеке
им. П. Ф. Шевченко
от автора
с пожеланиями успехов
во всех делах!

Издательство НГМИ
Нижегород — 1993

Е. Эрастов
14.02.16.

363794

ЭРАСТОВ Евгений Ростиславович родился в 1963 году. После окончания Горьковского медицинского института занимается научно-исследовательской работой. Кандидат медицинских наук. Стихи печатались в журналах «Волга», «Молодой коммунист», альманахах «Истоки», «Современники», а также в областных, городских и районных газетах. Участник IX Всесоюзного совещания молодых писателей. Студент заочного отделения Литературного института.

Художник А. Н. Евстифеев

ISBN 5—7032—0032—6

централизованная
система библиотек
Привокского района
г. Горького

© Е. Р. Эрастов, 1993

Снова голые ветви, и эта осенняя хмарь,
Равнодушное небо, упрямая грязь под ногами.
Мир до нитки промок и листает земной календарь,
Приглушенные дни невесомыми мера шагами.

В апреле 1991 г. Федор Сухов, прочитав эти строки, писал о Евгении Эрастове: «Всякий, кто в той или иной мере искушен в стихосложении, отдаст должное автору, не откажет ему в поэтическом слухе, в умении владеть многосложной строкой, в обретенном мастерстве...

Много лет наша критика (да и не только критика!) обращала внимание только на содержание. Но ведь форма, мастерское владение словом, строкой, строфой определяют уровень культуры поэта, его профессионализм. В этом отношении и привлек мое внимание Евгений Эрастов, он заметно отличается от многих своих сверстников.

Такая любовь не проходит —
Почувствуешь в горле комок
И то, как пластинку заводит
Июньский сквозной ветерок.
Посмотришь, так вроде бы малость,
Но как из-под снега трава,
В строке, что так трудно давалась,
Откуда-то взялись слова.
И ветер свистит возле уха
И холод бежит по спине.
Гуляют беда и разруха,
По нашей усталой стране,
Где плещутся алые флаги,
Где вечная горечь во рту,
Где ты на постылой бумаге
О чем-то кричишь в пустоту.

Мне хочется, чтоб молодой товарищ не кричал в пустоту... поружкой тому — несомненная поэтическая одаренность его...».

Только
русская
речь

* * *

Снова голые ветви, и эта осенняя хмарь,
Разнодушное небо, упрямая грязь под ногами.
Мир до нитки промок и листает земной
календарь,
Приглушенные дни невесомыми мера шагами.

Но когда поседеет пожухлая эта трава
И застынет земля, вдруг надломится что-то
в пространстве,
И от первого льда посвежеет моя голова —
Вот и вспомню тогда о своем стиховом
государстве.

И уже не поможет в несчастьи пейзаж горевой.
Только русская речь, коренное ее первородство —
Этот посвист разбойничий, горестный звук
горловой,
Воедно объяввший тщету, нищету и сиротство.

* * *

Такая любовь не проходит —
Почувствуешь в горле комок
И то, как пластинку заводит
Июньский сквозной ветерок.

Посмотришь, так вроде бы малость,
Но как из-под снега трава,
В строке, что так трудно давалась,
Откуда-то взялись слова.

И ветер свистит возле уха,
И холод бежит по спине.
Гуляют беда и разруха
По нашей усталой стране,

Где корчатся алые флаги,
Где вечная горечь во рту,
Где ты на постылой бумаге
О чем-то кричишь в пустоту.

* * *

Не просто уменье «дожди» и «приди»
А большее нечто, что все же сильней и рифмовать,
Глубинней.
Не только писать и не только бумагу марать,
А чувствовать кожей, как плачут холодные ливни.

Не просто уменье, а нечто похожее на
Дыхание общее с лесом, рекою и лугом.
Такая уж доля, такая уж чаша дана,
Не выпить ее на двоих даже с преданным другом.

Такая уж доля... Наверно, тебе повезло,
А может, и нет, но такому нельзя разучиться,
И сам понимаешь, что в жизни твоей не могло
Ни хуже, ни лучше, ни хуже, ни лучше случиться.

ОБЛАКО

Не подуй — а иначе исчезнет!
Невесомо, прозрачно на вид.

Видишь — облако встало над бездной!
Видишь — облако в небе парит!

И влетают в то облако птицы,
Вылетая неясной канвой,
Ибо нет настоящей границы
Между облаком и синевой.

Не гранитная крепкая глыба,
Не холодный сырой монумент —
Вся поэзия облако, ибо
Растворяется в каждый момент.

И не нужно нам каменной речи,
И не нужно железной строки,
Ибо мягок застенчивый вечер
И от сумерек тени легки.

Ибо вовсе не силою звука
Создается земная краса,
И не в звуке содержится мука,
Охватившая небеса.

* * *

Двадцатое августа. Проводы лета.
Краснеет крыжовник в пригнхшем саду.
В стихах моих новых так мало сюжета,
Но в этом я, право, не вижу беду.

На небе унылые тучи повисли.
Нам серая осень вдали суждена.
И вновь появляются тайные мысли.
Не надо о смысле, прошу вас, не на...

Нет смысла в деревьях. В крыжовнике этом,
Что сахарной пудрой тает во рту,
Нет смысла. И все напряженье сюжета
Не сможет тебе заменить красоту

Поблекшего сада, и шут с ним, с сюжетом,
Не все ли равно, кто кого полюбил,
Кто предал кого, кто бежал с пистолетом,
Кто сколько людей у дороги убил.

Не все ли равно... Ощущение жизни
Не только в событиях бурных, а в том,
Как зреет крыжовник в притихшей отчизне,
Прикрывшись от холода плотным листом.

* * *

Белые бабочки кружатся над капустой.
Вьются, целуются, падают вниз, шутя.
Да и в поэзии главное, видно, чувство,
А интеллект в дополнение всем страстям.

Белого облака робкие очертанья.
Дом деревянный, застенчивый огород.
Вот интонация, вкрадчивое дыхание.
Все остальное не стоит твоих забот.

Помнишь, немецкий философ сказал однажды:
«Лучше совсем не родиться!» Он был неправ.
Как все пронзительно! Сколько духовной жажды
В запахе лета, настоящем на цветах!

Стоит ли, право, крутить виражи сюжета,
Копья ломать над избранием «важных» тем?
Белые бабочки. Дом деревянный. Лето.
Кажется, будто таким-то и был Эдем.

* * *

О, как знакомо мне медлительное лето,
Тургенев, может быть, а может, Гончаров —
Так много зелени и солнечного света,
Длиннот божественных, намеков, полуслов.

Полынью пыльною пропахло это поле,
Где пижма желтая, цикорий голубой,
Где, подчиненная какой-то высшей воле,
Душа Лаврецкого витает над тобой.

Как все знакомо здесь, и вечно неумны
Тираны Рудина, Обломова тоска.
Пускай сто лет прошло, но все же так объемны
Беседка круглая и нежная рука.

Роман раскинулся пригорком бестолковым,
Рекой извилистой, кустарником сырым,
Мне так и кажется — из рощицы сосновой
Ребенок выбежит и бонна рядом с ним.

Но гувернантку ты никак не зарифмуешь
С малиной дикою, с коровой и козой,
Ну что ты, глупая, кричишь и негодуешь,
Мораль внушаешь нам и кажешься грозой.

Так и поселишься, пожалуй, в этой прозе
С дворянской щедростью, и вечно будешь жить.
Но вдруг опомнишься... На сломанной березе,
Где гвалт кузнечиков и крылышки стрекозы,
Не позабыть бы мне страницу заложить.

* * *

У Достоевского слова тяжеловаты.
С такую тяжестью мы явно не в ладу.

Там пострадавшие все те, кто виноваты.
Там небо серое качается в бреду.

Кто резонерствует, кто плачет, кто канючит,
Слюною брызгает, в падучей верещит,
И каждый кается, один другого мучит,
И голодающий ребенок питит.

Нет, ближе Буини мне — с его росистым лугом,
С беседкой круглою и шорохом во мгле,
С его крестьянином, шагающим за плугом,
С его антоновкой, лежащей на столе.

С толпою резвою кузин зеленоглазых,
С кустом акации, с широкою рекой,
С усадьбой старою, с цветами в белых вазах,
С вуалью тонкою и нежною рукой.

* * *

Иннокентия, Осипа, Анны
Вспоминаешь опять имена.
Наши годы темны и туманны,
Но звезда-то над нами одна.

Иннокентия, Осипа... Что там
Замаячило? Сердце, скажи!
Горевая морока-забота,
Непонятной судьбы миражи.

Умереть на ступеньках вокзала
Иль на нарах в недобром году...
Что там Парка твоя навязала?
Что она ненароком сказала
В полоумном и пьяном бреду?

Было много и умных, и смелых,
Виртуозно чеканящих стих.
Эта роща давно отшумела —
Ничего не осталось от них.

И все та же видна мне картина —
На чахоточном фоне пурги
Проступают Борис и Марина.
Ну а дальше не видно ни зги.

* * *

О, как зябко сегодня во внешнем бушующем мире!
И какие узоры! Какие леса и цветы
На окне... В этой теплой и странной квартире
Проплывают предметы, как рыбы, среди пустоты.

Пианино откроешь — увидишь знакомые
с детства
Промежутки. Так белые с черными дни
Чередуются жутко, являя глухое наследство
Музыкального мира, что дням уходящим сродни.

И пила, словно шука, показывать зубы готова,
Абажур проплывает — огромная рыба-луна.
О мой теплый аквариум! Жить так прекрасно
и ново!
Здесь в затертом углу притаилось заветное слово
И загадочно плачет, и носом касается дна.

Этажерка-ставрида, ковер, словно скат,
под ногами,
И ремень, словно угорь, в шкафу примостился
и спит,
Полотенце висит — полосатая рыба гурами,
Будто сом, пылесос развалился и тихо сопит.

И подушка медузой лежит на кровати, покоя
Относительность не ощущая, и вечно готова
лежать.
Ну, а там, за стеклом, за узорами, что там такое?
Там другие законы, которые нам не понять.

ЧАРДАШ

Таится нездешняя мука
У маленькой скрипки в груди.
Не надо заламывать руки:
«Что будет со мной впереди?»

Но дикая музыка эта,
С дунайских придя берегов,
Все бродит по белому свету,
И в ней воскресает любовь.

Ах, чардаш! Нелегкое дело
Все лучшие чувства сберечь,
Покуда душа не сгорела,
Не стала обыденной речью.

Покуда все наши желанья
Еще исполнения ждут,
И светят огни мирозданья,
И вечно куда-то зовут.

А мир не опознан, не понят —
Его до конца не понять,
И скрипка по-прежнему стонет,
И слезы уже не унять.

* * *

Вот я снова в притихшем саду,
Где краснеет созревшая вишня.
По заросшей дорожке иду,
И постылого шума не слышно.

Сколько вишни упало вчера!
Под ногами кровавая каша.
Я не верую в силу добра —
Мир ущербен, и выпита чаша.

Мир ущербен. И флоксам моим
Тихий голос мой даже не слышен.
Спит под кустиком мой серафим
В красных пятнах от падавших вишен.

Только капля дрожит на листке,
Только привкус мучительно кислый
Да оскомина на языке.
И ни капельки высшего смысла.

Но в смешении темных кровей
Есть какая-то тайная нота,
И ползет по стволу муравей,
И легко на душе отчего-то.

Был и нет. Разве в этом беда?
В выключении верхнего света?
Тихо с листьев сползает вода.
Тишина. Окончание лета.

А

Приокская ЦБС
г. Горького

Централизованная
система библиотек
Приокского района
г. Горького

САМОЛЕТИК

Без какой бы то явной причины
Тихим вечером вдруг загрущу —
Самолетик сложу из кручины
И с балкона его отпущу:

«Возвращайся скорей, самолетик!
Не страшись ничего на пути.
В невесомом своем полете
Всю Вселенную облети!»

Он увидит края мироздания,
Царства света и скопища мглы,
Облетит бесконечные дали
И пространства тупые углы.

Но во времени он ошибется —
Облетев миллионы планет,
Самолетик усталый вернется,
Он вернется, а нас уже нет.

В некий час, когда тихое солнце
Завершает полуденный круг,
На балкон, уплетая подсолнух,
Выйдет мой неродившийся внук.

И о дальнем таком полете
Не подумает он ничего.
Увидав, как летит самолетик,
Из рогатки подстрелит его.

* * *

Есть на свете страна под названьем Корея.
Никогда я в Корее не был.

Помню сказку одну, что читал на заре я
В тихой заводи, над которой сгущалось небо.

Как за бабочкой белой бегал мальчик у моря
И в пещеру попал, а оттуда — в страну света,
Где все люди живут, не зная беды и горя,
Где болезней, нужды и печали нету.

А вернувшись домой, не узнал деревню.
Целый век миновал в нашем мире.
И родители умерли, нет и братьев древних,
А племяннику стукнуло девяносто четыре.

Я тебя понимаю, мой мальчик бедный!
О, как жутко было тебе, однако.
Возле новых домов стоял ты, бледный,
И понять не мог ничего, и плакал.

О не дай мне Господь в будущее вернуться,
В электронную эру роботов говорящих,
В мир, где некогда выспаться, некогда
оглянуться,
В мир искусственных птиц, над землей парящих.

Я хочу умереть с тополями родными,
Где на ветках поют знакомые птицы,
С верной книгой в руке, где изучены все страницы
И ромашка засушенная между ними.

* * *

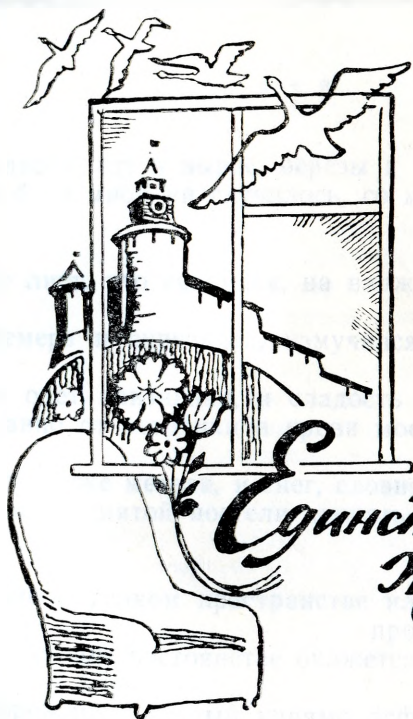
Такие были времена —
Звенела крепкая струна
У гусяра, он был, наверно,
Красив, и молод, и речист,
Не думал он под ветра свист,

Увидев падающий лист,
Что жизнь скучна и эфемерна.

А мы на утренней заре
В насквозь промокшем октябре,
Увидев лист опавший, плачем,
Не понимая почему,
И задаем вопрос уму:
«Неужто мир переиначим?»

Нас этот мир не воспитал.
И мы поддерживать портал
Державной власти не умеем.
Завидна доля гусяра —
Терзай струну, кричи «Ура!»,
А мы и этого не смеем.

Пройдут и наши времена.
Быть может, и моя струна
Заденет дальнего потомка,
Но не призывами к борьбе —
Простым рассказом о себе,
Да интонацией негромкой.

Единственная
Жизнь

* * *

Во дворе, где я вырос, березы и тополя.
Что б со мной ни случилось, со мною родная
земля.

Этот лист, что свалился, на влажной земле
помертвел,
Перемерз и скрутился, измучился, перержавел.

Мир одет наизнанку, и сладость уже не мила,
И давно от ветряпки в крови моей антитела.

Будут те же метели, и снег, словно бег балерин.
Будешь в мятой постели лежать и жевать
аспирин,

Словно в гулком пространстве иль в детстве
пространном своем,
Но в слепом постоянстве окажется вьюга дождем.

Подорожник ушастый упрямо асфальт прорастет.
Кто сказал, что несчастный, кто счастье свое
не найдет?

Кто сказал, что обязан каждый счастье свое
искать,
Если он уже связан, и связи ему не прервать

С этой темною жизнью в суровой ее красоте,
С истонченною жилкой на высохшем этом
листе?

Опять соблазн по лестнице взойти,
Услышать голос старой половицы.
Все это было, кажется... Учиться
Так поздно мне, я так хочу концы

Свести с концами, выйти на простор,
Где нет ни революций, ни инфляций.
Хрустят стручки замызганных акаций,
И падают горошины во двор.

И этот двор, где старый инвалид,
Напившись, голосит о взятой Праге,
Изобразить ты можешь на бумаге —
Бумага равнодушная простит.

Здесь ветви анемичные берез
Почти прозрачны в воздухе дрожащем.
Я не могу писать о настоящем —
Я к прошлому ракушкой прирос.

Зачем мне сон, зачем мне этот бред,
Зачем же эта жертва гайморита —
Гнусавый несговорчивый кларнет
Над ухом в тишине ворчит сердито?

И кровь моя темнеет в забыти,
И в полынье шальные бродят токи,
Когда я снова в этом бытии
Пустяшные проматываю сроки.

Опять стою на лестнице кривой
И узнаю косую ручку двери.
Не уходи, мой двор, побудь со мной,
И так уже бесчисленны потери.

Останься этим краешком крыльца,
Кривым осколком солнечного лета,
Скорлупкою пасхального яйца,
Оранжевого, сказочного цвета!

* * *

И будет тревога тебя допекаль,
И будут сомнения душу тревожить —
«Все было напрасно?» — и снова, опять
«Конечно, напрасно», — ответишь, но может

Быть, все-таки этот вопрос ни к чему,
Раз тополь на школьном дворе серебрится?
Твоих однокла... однокурсников лица
Уже растворяются в едком дыму.

Мне кресло досталось от бабушки (вслух
Такое так трудно), но в нашей квартире
Оно потеряло божественный дух —
Какая-то нотка потеряна в мире.

Наверное, что-то потеряно... След
Исчезнувшей правды я чувствую кожей.
Все было напрасно? Наверное, нет,
Ничто не напрасно, но все же, но все же...

* * *

Поговорить бы с бабушкой хоть раз
О том, что жизнь все так же непонятна,
Что вместо солнца солнечные пятна
Играют в золотой иконостас.

Навыпускать бы белых лебедей
Из всех темниц, и вдруг понять, что глупо
Кричать из-за недолитого супа
И сваливать обиды на людей.

А бабушка была тогда права.
Когда за супом долго говорила
О радости, и мыла, и варила,
Стирала, засучивши рукава,

И красными руками каждый день
Мне подносила полную тарелку.
В какую б ни попал я переделку.
В какой ни оказался бы беде.

Поговорить бы с бабушкой, тогда
Все тучи вмиг пролились бы дождями,
И сгинули б обиды навсегда,
Из-под руки рванувшись лебедями.

ВОСПОМИНАНИЕ О МИГРЕНИ

Тебе не представить, что значит мигрень.
Да что я могу рассказать о мигрени?
Подходит она наподобие течи
И в плен забирает тебя на весь день.

Внутри загорелось, а дальше пошло,
Да так, что бессильны и книги, и музы —
Просвет капилляров мучительно узок,
И бедным нейронам дышать тяжело.

Так, может, прабабушка в утро свое
Лежала впотьмах на высоком диване,
Прислуга таскала ледышки в стакане,
И дети шептались у спальни ее.

И седенький доктор уже подъезжал
К осенней усадьбе... О Господи Боже!
И лист пожелтевший на ветке дрожал,
И боли, и беды, и тайны итожа.

* * *

Моя прабабушка ютилась в коммуналке.
Краснели пальчики от стирки да от варки.

Привычно маялась апрельскими ночами
Над нежной пасхой, горами-куличами.

А Нижний Новгород глядел в свои окошки,
Вовсю пил горькую да шпарил на гармошке.

При хмуром Сталине, при крапчатом Хрущеве
На грязной кухоньке ругались бестолково.

При брэнном Брежневе, при сереньком Черненко
Лишь самовар гудел, цвела в иконах стенка.

При всех правителях, всех мафиях, всех кланах
Лишь ветерок свистел в пустых ее карманах.

Лишь ветерок свистел, да мат ему вдогонку.
Соседки с ведрами бежали на колонку.

Над ямой мусорной гудела муха басом,
И пахло творогом, капустой, кислым квасом.

...На старом кладбище, где тренькает кузнечик,
Ограды ребрышки да воск от талых свечек,

Да соловей поет в июне безутешно.
О неизбежности. О вечности, конечно.

* * *

Единственная жизнь... Единственная? Что вы!
А чайка, что парит над нашей головой?
Единственная жизнь не втиснется в оковы
«Рождение и смерть», меж небом и землей

Повисшая, она не станет лицемерить,
А будет трепетать осиной на ветру.
Единственная жизнь! Ну как в тебя поверить?
Не верить как в тебя, поскольку я умру?

Твоя душа легка, как чайка у причала,
Она уже была и чайкой, и орлом,
И что бы эта жизнь теперь не означала,
Ты сможешь у нее согреться под крылом.

А что тебе еще, лукавый современник?
Ходи по площадям, глотай летящий снег.
Единственная жизнь! Я твой печальный пленник.
Наверное, на миг... наверное, навек.

* * *

Был томителен школьный урок,
А в руке так и прыгал мелок —
Я писал на доске уравниенья.
Избавленьем казался звонок,
А в кармане лежал номерок —
Продолжались земные мученья.

Только тополь за школьным окном
Был огромен, и стар, и над ухом
Шелестел, и в июне сквозном
Осыпал бело-розовым пухом.

Помню галстук на шее своей —
Пионерский, и как на линей-
Ке стою, и горнисты далдонят —
Мир не познан, не признан, не понят.

И хранит неумершая память,
Как твердя про святые бои,
Заставляли меня барабанить
В барабаны глухие свои.

Только я с барабаном не знался —
Убегать от собраний старался,
Был застенчив, упрям, угловат —
Не любил барабанный парад.

Оттого-то со звоном да свистом
Обозвали меня эгоистом,
Задудели в родную дуду
В огороде своем, во саду.

Битый час про отцово наследье
Мне твердила железная леди
С красным галстучком между грудей:
«Надо жить для советских людей».

А советские люди зевали,
Пили водку соседи в подвале
И хлебали рассол на заре,
И слова, словно бисер, метали.
И про Малую землю читали
На большой горемычной земле.

Вспоминаешь ответы, вопросы,
Одноклассницы длинные косы,
Мир, давно позабытый тобой.

В светлый класс, от смущения розов,
Смотрит в щелочку Павлик Морозов
С оттопыренной детской губой.

Что осталось от этого мира?
Ни добра, ни тепла, ни кумира —
Только вечный вселенский озноб.
Что осталось? Звонек дребезжащий,
Липкий ветер да тополь свистящий.
Барабанная гулкая дробь.

* * *

Вспоминаю малинник резной,
Ежевичник, шиповника брызги.
Августовский полуденный зной
Да ребячьи сопливые визги.

Это было в каком-то году —
Абрикосовом, детском, молочном.
Мне казалось, что я пропаду
В летнем небе — резном, многоблочном.

Ребятней переломанный сад.
Облаков известковые фрески.
Стрекозиный зудящий насад
Да кузнечиков мирные трески.

Мне б уйти хоть на четверть часа
В этот мир, где ни боли, ни стона.
«Все проходит» — Господь написал
На волшебном кольце Соломона.

Вспоминаю город из белых плит,
Кипарисы, как призраки, у причала.
Там курчав, как еврей, молодой самшит.
Там начало

Хрупкой жизни, завещанной не знаю кем,
С крабом, морем, плавками на спинке стула.
С джентльменским набором привычных тем.
Здесь уснуло

Детство, детство в панамке и без трусов,
С забинтованным пальцем, с разбитой коленкой,
Годы жизни, где не было ни часов,
Ни минут, а только одни оттенки

Счастья летнего — с мороженым или без,
Где с копейкой в руке, с газировкою в пищеводе
Я входил в свой Эдем, полный земных чудес,
Вроде Данте с Вергилием или Адама вроде.

На Приморском бульваре наркотический шок
Платанов, косточки персиков, абрикосов,
И за стайкой девиц, накосмеченных до кишок,
Полосатый прибор молодых матросов.

В искушение дьяволом мне этот город дан,
Где встает, словно устрица, в горле слово,
Где в истоме акация, и каждый платан
Словно палица Муромца у Васнецова.

Величаяя туя задержит невольный взор,
Тополей серебристых печальные вижу лица.
Пятерней защищаясь, старается скрыть позор
Потерявшая девственность шелковица.

Мир мой, свет мой! Ты видишь, пришел опять
Я к тебе, на причал, что знаком до дрожи.
Что осталось мне в городе этом? Спать
На балконе, на солнце сжигая кожу,

Кислород поглощая, мечтать о том,
Что невзгоды рассеются в одночасье,
Что Большая Медведица золотым ковшом,
Экскаватор небесный, черпнет мне счастья.

* * *

Не какой-то мираж, и не сон, и не прочая чушь,
А реальный, земной, до квадратика плитки
Влажный, словно субтропики, грязный и знакомый,
Вновь сюда прихожу, непонятною силой влекомый,
За пятнадцать копеек здесь каждый себе сумрачный душ,
Здесь летят с потолка мотыльками слои господин,
Покрывая собой этикетки от мыла и вин, штукатурки,
Всевозможные пробки, горелые спички, окурки.
А на крашеной двери любовные страсти кипят,
Что намного сильнее любых апологий фрейдизма.
Здесь чего только нет! По желанию бойких ребят
Злополучный Эрот возведен до пределов космизма.

Мир мой, свет мой! Не надо иного тепла!
Ничего в этой жизни, наверное, больше не надо.
Здесь прошло мое детство, и юность куда-то ушла,
Но остался во рту изумительный вкус лимонада

Но остался в душе тонкий запах, а может быть,
звук
Дней, открытых, как окна, навстречу полдnevному
свету.
Отблеск мира ушедшего. Ветер, что треплет
листву.
Как пронзителен мир! Как свежо ощущение это!
В коридорчике темном старик одорукий ворчит,
И подвыпивший банщик с товарищем долго
судачит,
А из дома напротив блатная гитара бренчит,
И мужчина кричит, и визгливая женщина плачет.

* * *

Ветлуга, Керженец, черника, костяника,
Ольшаник, просека, болото, бурелом...
Какая лексика! Как все темно и дико!
Леса притихшие, идущие на слом.

Чем дальше к северу, тем гуще и темнее,
И чем восточнее, тем больше глушь да грязь.
Здесь задохнулась бы певунья Лорелея —
Все европейское не выживет у нас.

Про скит раскольничий ты вспомнишь... Это было
Давно прочитано — и старец с бородой,
И под березами какая-то могила,
Людьми забытая... Как горько и уныло
Пропахла родина, как слаб рассудок мой!

Здесь все загадочно — как будто свет потушен
В огромной комнате, как будто в небесах
Звездами райскими глядят людские души,
И смерть костлявая скучает на часах.

* * *

Мне б только услышать шептанье балтийской
волны,
Кусок янтаря увидеть, где какая-то муха
Застыла... В том мире, где чувства обнажены,
Вся жизнь — это только сплетение зренья и
слуха.

Паланга, Паланга, ты лучший литовский валун,
Три цвета включающий — желтый, зеленый
и синий,
Где пение сосен на склонах торжественных дюн,
Морской горизонт и извилистость вкрадчивых
линий.

Извилистость мысли, извилистость берега, но
Прямые, квадратные дворики. Вот сочетанье,
Казалось, нелепое. Впрочем, тебе все равно.
Тебе, как пришельцу, даны только зренье,
вниманье

И слух, и блаженные запахи сосен, воды,
Песка и печали, что в воздухе теплом повисли.
Волна равнодушно твои оmyвает следы,
А в будущем, может, тебя сберегут от беды
Прямые, кривые и всякие задние мысли.

* * *

Причалить к берегам Голландии туманной,
Двух мельниц увидеть скелеты у реки,
И замок вдальеке, и жизнь пребудет странной.
Загадочной, цветной, рассудку вопреки.

Как все знакомо здесь — и красная жаровня,
И тусклая свеча, и шавка у двери,
Резные облака, и черепичной кровли
Наскучивший узор, что по небу парит.

Привет, фламандский быт, лукавая подделка!
Ты только чешуя, скрывающая суть.
Как все это старо, невыносимо мелко —
От главных наших бед пытаться увильнуть.

Не спрятаться тебе ни в чашке и ни в ложке,
Коль свищет за углом вселенский тарарам,
Пускай так много дней ты смотришь из окошка
На мир, что отдан в дар созвездьям и ветрам.

...А здесь, в глухом плену вещей, тебе знакомых,
Что дремлют под рукой, щадя усталый глаз,
И в плавной кривизне, и в стрельчатых изломах
Ты видишь, как во сне, уже который раз:

До утренней зари играют воры в кости,
Свиные потроха сжирает жирный кот,
На свадебном пиру давно скучают гости,
И чопорная смерть стучится у ворот.

* * *

В судьбу чужую лучше не входить.
В чужие сани... Как это знакомо!
Зачем рассудок бедный бередить
Шальной мечтой? Сиди-ка лучше дома.

Волшебный ящик нехотя настрой,
Лови леса, овраги и поляны...
Но вдруг себе представишь: я — герой.
Нет, римский папа... И по Ватикану

Уже идешь, где стены в витражах.
Но встал на кончик мантии, споткнулся,
Запутался в латинских падежах,
И кардинал ехидно улыбнулся.

Какой позор! Воистину позор!
Забыв честолюбивые надежды,
Бежишь из Ватикана, будто вор,
С себя срывая алые одежды.

Нет! Никого уже не обмануть.
Чужие сани слишком недоступны,
И на чужое дело посягнуть
Непостижимо... Если не преступно.

* * *

Тихой стопою в покои прошел шах.
Мир бирюзовый, зеленый, сияй, цветы!
Вот у наложницы серьги блестят в ушах.
Жить ей не хочется, розовой, взаперти.

Там, за решетками, вьющийся виноград.
Там, за решетками, слива и алыча.
Сколько на свете решеток, завес, преград!
Так поневоле и вправду начнешь скучать.

На минарете зычный поет мулла.
Вязью арабской высечена мечеть.
Мир иллюзорен и краток. Велик Аллах!
Дел его мудрых, как звезд в небесах, не счесть.

Знаю, картинка красива, хитра, тонка,
Сказки и слаще, и приторней в мире нет.
Но за решетку взгляни, и увидишь там
Мрак, тиранию, невежество, блуд, бред.

Бывший погонщик верблюдов теперь пророк.
Дремлет притихшая, вкрадчивая гюрза.
Как ты обманчив, чарующий нас Восток.
Но оторваться от сказки никак нельзя.

* * *

Жук-плавунец не хуже остальных.
Как говорится, звезды не хватает
С небес, но у него и так хватает
Своих забот — болотных и земных.

Но все-таки он плачет иногда,
В какой-нибудь кувшинке, втихомолку,
И думает, что жизнь прошла без толку,
Поскольку им не поймана звезда.

А погрузив, забывши обо всем,
Запрыгает, бедняжка, по болоту,
Знакомым скажет: «Хорошо живем!»
Едва скрывая сладкую зевоту.

Он вечером приглашится домой —
К любимым, обожаемым жучатам
И перед сном, ночной окутан тьмой,
Засмотрится на звезды виновато.

* * *

В рабочей столовой все бегают взад и вперед
Уборщица Нина и песни под нос напевает.
София Ротару, конечно, вот так не живет,
Посуду не моет и грязь со столов не стирает.

У Нины под глазом огромный синееет фонарь —
Под вечер любовник пожаловал, выпив обильно.
Махал кулаками. Сказала: «Попробуй, ударь».
А дальше не помнит — он все же ударил, и
сильно.

В 11.20 рабочие ждут у дверей.
Откроются двери, и сразу все кинутся к стойке:
«Когда же ты, Нина, к нам будешь немного
добрей?
По-старому жить продолжаешь, у нас
перестройка!»

Когда же ты, Нина? Но ветер свистит в голове,
София Ротару поет на знакомой пластинке.
...Как будто недавно бежала она по траве,
Босая, к реке, в захудалой деревне Осинки.

Мычали коровы, толкая друг друга в бока.
Лишь бросишься в воду и тотчас назад
выбегаешь.

Казалась холодной в ту пору родная река.
А мама твердила: «Ты холода, дочка, не знаешь».

* * *

Он тихо умер от инфаркта
В те дни осенние, когда
Неоспорима сила факта,
Что наша жизнь — не ерунда.

Он был умен и знал отлично,
Что мир лежит не на китах,
И возлежала так привычно
Улыбка на его устах.

А как он был красив порою,
Когда на кафедре стоял,
И за речей его игрою
Следил окаменевший зал!

Но жизнь сломалась, как тростинка,
И появился тихий страх,
Когда последние песчинки
В песочных падали часах,

Когда последними слезами
Его глаза заволокло,
Как будто встало пред глазами
В морозном инее стекло.

Он мог весь мир возненавидеть
И полюбить за этот срок,
Но кроме вечности, увидеть
Он ничего уже не мог.

* * *

Мне бы тоже хотелось счастливо прожить,
Чтоб за пазухой — туз козырной.
Карамелькой во рту истончается жизнь,
И безумствует ветер сквозной.

Мне бы тоже хотелось... Да что говорить!
Остается скучать и привычно острить
И лелеять в автобусной давке
Горький уличный шум, утонувший в ушах,
Неприятностей новых готовый ушат —
Это все уже было у Кафки.

Что, судьба, поиграем с тобой в дурака?
Как светла эта жизнь, и горька, и сладка,
И томительна... Господи Боже!
И под ложечкой стынет знакомый комок.
Под весенним дождем и промок, и продрог,
Но живешь, вылезая из кожи.

Что пенять на судьбу, как собака, скуля?
Даже если начать все придется с нуля,
Это тоже не так уж и сложно.
Ни любви, ни потерянной правды не жаль.

Да и карты остались — какая-то шваль!
Отыгаться уже невозможно.

На ветру,
под
сквозным
листопадом

Мне бы тоже хотелось, да что говорить!
Остается скучать и прилично осуждать.
И делаться в афишной давке
Горький улыбка шум, утонувший в ушах.
Неприятно, но новых готовый ушат —
Это все уж было у Кафки.

Что, судьба, тебе тебе в ухах
Как скотч эти же...
И томительная... Господи...
И под...
Под...
Но ж...

Что не...
Даже...
Это тоже...
На...
100

Да и карта...
Отыгратья...
100

История
сказки
100

* * *

Цепляешься за жизнь — за скатерть на столе,
За чайник на плите, но этого так мало!
Гнусавый говорок мне чудится во мгле,
И вкрадчивый смычок, и лампа вполнакала.

Цепляешься за жизнь, за яблоко, за сад,
За свет над головой, за ягодное лето,
Цепляешься за жизнь, но видишь как летят
В расколотую тьму знакомые предметы,

И все сложнее их становится поймать,
Все тягостней, страшней становятся пространство
И время, и торшер, и книги, и кровать.
Все тягостней, страшней земли непостоянство.

* * *

Будет другое, и третье, и малая часть
Первого, все это было, хотя понемногу.
Все это было когда-то, и снова начать
Будет непросто, но ты соберешься в дорогу.

Ржавые листья увидишь на старых дубах,
Серые реки, окутанные бедою.
Все это было когда-то — все та же борьба.
Вечная, злая, со временем, с жизнью, с собою.

Все это было в каком-то не помню году,
Все это стало в каком-то не помню столетии —
Небо такое, что вряд ли увидишь звезду,
Мрачные реки и листья дубовые эти.

Все это было, и стало, и вновь через год
Будет, и листья гнилые, и рек безысходность.
Богом, природой ли — не все равно ли? — исход
Будет показан, как наша тщета и безродность.

* * *

И не в этом беда, и не в этом таится печаль,
Что на улице снова снега, и завешена даль

Невеселую дымкой, и тошно, и выхода нет,
И постылую песню канючит гнусавый кларнет.

Гайморитом ли болен, а может, фронтитом каким
Этот тонкий подросток, мучитель, кларнет-
пилигрим.

Он канючит и плачет, и больно, бедняжке, ему,
Только что это значит, неясно, увы, никому.

Надоело мяукать. я громко хочу говорить,
Одуванчиком белым не хочется фразы сорить,

Ибо каждое слово лежит, как на веке пятак,
Ибо слово весомо, а все остальное — не так.

Мир мой, свет мой! Оставим слепую игру.
Не хочу быть актером на этом холодном ветру,

Не хочу быть актером, хочу быть собою самим,
От вселенского сора архангельским оком храним.

«Не хочу быть актером!» — кричу посредине зимы,
Только голос не слышен, а слышно зияние тьмы,

И кларнетик бормочет, мяукает, плачет, зовет.
И чего-то он хочет, неведомо мне наперед.

И с кривою улыбкой, и с мокрой соленой щекой
Я свинцовому миру машу онемевшей рукой.

* * *

Из этой страны, где полгода зима,
Уехать бы мне, да боюсь, что с ума

Сойду без равнины, где ветер сырой
Считает копейки в кармане с дырой.

По первому снегу скользишь в темноту,
Комок возле горла и горечь во рту.

Твоя голова, словно гиря,
И счастье потеряно в мире.

А сколько не помню столетий назад
Цикутой запил свое горе Сократ,

И портик белел под луною,
И все это было со мною.

Какая мне тяжкая ноша дана —
Все помнить, и пить свою чашу до дна.

Какая нелегкая дума
В стране Мавзолея и ГУМа.

Когда неразрывно спаялись со мной
И те, кто зарыт под Кремлевской стеной,

И те, кто лежит в Индигирке,
С числом шестизначным на бирке.

Как на сердце давит истории груз!
И я с этим грузом по жизни тащусь

Взывая к апостольской тени,
И ноет висок от мигрени.

Из детского сада в сгушавшейся мгле
В античных сандалях я шел по земле,

А там, где-то возле Китая,
Мерещилась Русь золотая.

* * *

Никуда не уйти от земли,
Где лежат твои годы в пыли,

Где ты слышал кузнечика треск,
Суеты человеческой плеск.

Никуда не уйти от тоски,
Что стучит кулаками в виски,

Не дает мне ни шагу шагнуть,
Не дает мне бывшее вернуть.

А чего-то ты хочешь, щенок,
Серый ослик, Конек-Горбунок,

Мальчик-с-пальчик, бедняжка, дитя,
В мировую пучину летя?

* * *

Срубили березу, и желтый пенек
Тревожит глаза невеселым сюжетом —
Толор покричал — вот и песенка спета,
Окончился жизни отпущенный срок.

Но будет тебе тяжелее стократ,
Когда ты сумеешь понять ненароком,
Что нам не пристало гоняться за сроком,
Поскольку загадочны сроки утрат.

Однажды суровое время придет,
Оглушит по темечку правдой простою.
...Упрямый пенек шелестит берестюю —
Иллюзию жизни себе создает.

* * *

Что за печальная, о Господи, сосна!

И. Анненский.

Какая желтая, о Господи, луна!
На ней нам каждая пылиночка видна,
На ней размазаны чернильные моря,
Где тонут лунные резные якоря.

Какая тонкая, о Господи, тоска!
Она пульсирует, как жилка у виска,
Она под ложечкой томительно щемит,
Она под кожу томительно шумит.

И сам ты, видимо, ничтожен и смешон,
Когда волнуешься и лезешь на рожон,
Твое волнение не стоит ни гроша,
И в тихом омуте лежит твоя душа.

Не надо музыки! И паузой одной
Я насладился бы и желтою луной,
Луною бархатной и ночью нитяной,
Когда сознание пока еще со мной.

* * *

Скелетики кустов. Колючая зима.
Как зябко на ветру! Зачитанная повесть
Сугробов городских не лезет из ума.
Колючая зима. Игольчатая, то есть.

Какие холода! Среди летейской мглы
Язык остекленел, душа давно оглохла.
Законы Ньютона пресны и тяжелы,
И хочется кричать, да горло пересохло.

Немного подожду и сделаю шажок
Туда, где неба холст, да с лунною заплатой.
Как зимний соловей, свистит в резной рожок
Болезненный снежок над веной синеватой.

И свист его сквозной нельзя остановить.
Он будет день и ночь в стремлении жестоком
С улыбочкой кривой на голову валить,
И не перекрестясь, завалит ненароком.

* * *

Все вторично — и пыль на стекле,
И покойница-муха в салате,
И стихи, что лежат на столе,
И раскрытый журнал на кровати.

Безответная эта любовь
К безучастному этому миру
Всю по капельке выпила кровь
И расстроила старую лиру.

За кулисами злой тенорок
Напевает душе-побирушке,
Что проходит намеченный срок,
А за пазухой нет ни полушки.

И под ветром веснним дрожит,
Как студент на экзамене, тополь.
У меня под ногами лежит
Нижний Новгород, словно Акрополь.

Надо мною все так же парят
Облаков невесомые пятна
И о вечности мне говорят.
Все вторично. Ничто не понятно.

* * *

Боль моя, невралгия, уймись наконец —
Ты похожа на адское пламя.
Надо мною звенит ледяной бубенец,
Птицы хищные машут крылами.

А в Германии пыльной, в России больной
И в чванливой, с манжетками, Польше
Бирюзовое небо пропахло войной
Да сиротством — не знаю, чем больше.

Но в прозрачном эфире лучится, дрожа,
Амадея веселая нотка,
И в томительном сне изнывает душа —
Протестантка моя, гугенотка.

Я ведь тоже плясал на плешивых горах
С Мефистофелем пьяным под ручку,
С Маргаритою рыжей лежал в клеверах
За последний червонец с получки.

И с тобою, мой Фауст, в голодной стране
Я в автобусах жарких давился.
И с тобою, мой Вертер, сидел при луне,
На лоснящийся локон молился.

Не коснется мой просветленной души
Вновь на шабаш летящая стая.
Посмотри, посмотри — догорает в тиши
Гретхен, Гретхен, звезда золотая.

И все меньше, все меньше былого огня,
И все дальше мой берег желанный.
Боль моя, невралгия, уйди от меня,
Не звени, бубенец окаянный!

* * *

Я проснулся с большой головой,
Со знакомой тоской мировой.

Напророчила шальная сирень
Мне постылую болячку-мигрень.

Обострились обонянье и слух
Под унылое жужжание мух,

Под пиликаньке хмельного сверчка,
Под мычание тупого бычка.

Ой ты, жизнь моя, какого рожна
Ты, жужжащая, мычащая, нужна?

Ты, с мигренью, настучавшей в висок,
С головою, уходящей в песок?

...Стрекозиною залетной душой
Просквозить бы мне, да мир мой большой

Упирается, лягается, врет,
Никакого мне житья не дает.

* * *

Меня свихнувшийся февраль
За шиворот берет,
Мне ничего уже не жаль,
Поскольку все пройдет.

Не знаю я, в каком году
Случится умереть,
И на которую звезду
Я должен прилететь.

Да и не все ли мне равно —
Куда, кому, зачем,
Когда уже давным-давно
Я вышел насовсем.

Когда на скрипочке пищит
Свихнувшийся февраль,
Когда головушка трещит
И ничего не жаль.

* * *

В автобусах толкаться надоест,
И ты тогда почувствуешь до боли
На собственной спине привычный крест
Тех дней, когда в желаниях не волен.

В автобусе, где шум из ничего,
Талон пробьешь, и вдруг поймешь блаженство
Тех дней своих, когда ты ничего
Не знал о красоте и совершенстве.

К стеклу прижавшись, холод ощутишь
Горячим лбом и, осознав потери,
О прошлом ты уже не загрустишь
И в то, что солнце выглянет, поверишь.

И что-то неожиданно поймешь,
Когда, сойдя с автобусной подножки,
Ты шарик одуванчика сорвешь
На тонкой и шатающейся ножке.

* * *

Ожиданье автобуса словно конец жизни.
Знаешь, скоро конец, а когда точно
Угадать не сумеешь. Пойди, свисти —
Сивкой-буркою он не придет срочно.

Здравствуй, липкое, как пастила, дело.
Как давяльня, где греческий бог правит.
Виноградинки-люди как будто одно тело,
Запотевшею кожей настойчиво в бок давят.

О, давяльня автобусная, мой жребий!
Помню, зубы молочные выпадали,
С нотной папкой я сдзил в твоём чреве,
А в то время давили меня и жали.

Мир мой, родина, как это все близко!
Четверть века уже я в твоей клетке,
Где так мало любви и так много риска.
Виноградника я на твоей ветке.

* * *

На сиденье в автобусе, место себе выбирая,
Сядешь, грязный и мокрый, авоську сжимая
в руках.
«Эй, водитель! — воскликнешь. — Скажи,
далеко ли до рая?
На какой остановке мне выйти, в каких тупиках?»

Нет ответа. И только огни на дороге
Мне маячат, маячат, и ветер свистит за окном.
Ну зачем так спешить? Все равно не доберется
до Бога,
И не надо спешить, и молиться, и плакать о том.

Только будет авоська в холодных руках
колыхаться.
Только будет автобус проваливаться в пустоту.
Ну зачем так спешить? Все равно до него
не доберется,
Никогда ни за что не доберется доту-

Да, но будешь ты верить блаженно и свято
В то, что мир не обман, не бессмыслица
и не беда —
Нечто, кроме автобуса, мчащегося куда-то,
Нечто, кроме авоськи и кроме пути в Никуда.

* * *

Постылая зима роняет снег воздушный,
И кажется, что мир от боли не спасти,
И необъятна ночь, и в комнате так душно,
Что, кажется, нельзя двух слов произнести.

Проснешься в январе — все глупости да бредни,
Иголкой по спине проходит легкий ток.
Мне в шубе тяжело, но топчешься в передней,
Постылую судьбу держа за локоток.

Откроешь старый шкаф, пропахший нафталином,
Где драные шарфы влачат полночный гнет,
Включая тусклый свет, увидишь, как уныло
Серебряная моль на лацкане блеснет.

Ах, сколько было их, и все они исчезли,
Травкою проросли сквозь доски в Никуда.
Ах, сколько было пуль, веревочек да лезвий —
Остались тусклый свет да ржавая вода.

Остались только моль, да старая записка,
Десяток пресных фраз под треньканье сверчка.
Мне некуда бежать. Зима подходит близко.
Пульсирует мигрень у правого виска.

* * *

Там был когда-то свет, но нет его теперь.
Там был зеленый луг и синие стрекозы.
А здесь забытый ключ да запертая дверь,
Косматый зимний зверь, орущий от мороза.

Там был когда-то свет, теперь же — полутьма,
Разрушенный дворец, коварная улыбка.
Где был когда-то пир и кресел бахрома,
Вполголоса сопит простуженная скрипка.

И «ми», и «ля», и «ре», — и милый мой дружок,
Болезненный снежок мне на руки слетает.
В постылой полынье утопишь сапожок —
И память тяжела, и воля умирает.

И что ни говори, ты все переживешь,
И даже хорошо, что это не вернется —
И тихий говорок, и тонких пальцев дрожь,
И то, о чем сказать язык не повернется.

* * *

Снега усталые над родиной идут,
И Парки старые бранятся, но прядут,

И нет огня вокруг — кругом одна зима,
И снег трагический, и бестолочь, и тьма.

Ты в свой подъезд нырнешь, как ласточка
в гнездо,
Где гамма вечная кончается на «до»,

Где злая школьница, нос высморкав в платки,
О кости клавишей ломает коготки.

Скорей бы в комнату, под белый потолок!
Я б вечность целую сидеть недвижно мог.

Покуда роются соседи в кошельке
И спекулянт сидит в заплеванном ларьке,
Покуда рушатся прочнейшие миры,
Я дверь запроу скорей и выйду из игры.

ИЗ ЦИКЛА «ТЕМНОТА»

1

До звезды не коснешься рукою,
Не отыщешь иголки в стогу —
Что со мной приключилось такое,
Сам не знаю и знать не могу.

Ветер свищет над хмурым оврагом,
Стужа древняя дремлет в крови.
Что ж — порыскай по свету, бедняга,
В тщетных поисках старой любви.

Озирая ухабы да лужи,
Ты страну не полюбишь сильней.
Станешь лучше — тебе ж будет хуже,
Станешь ярче — тебе же больней.

На ветру, под сквозным листопадом,
Под свинцовым дождем октября
Ты окинешь внимательным взглядом
Этот мир, только все будет зря —

И унылая лента заката,
И текущая с неба вода.
Это все уже было когда-то,
Только сам я не помню, когда.

2

Такую жизнь уже не разлюбить —
С трамвайным перезвоном, со снежинкой
На рукаве, уже не позабыть
Двух колких слов — с оскоминой, с ужимкой

Почти что обезьянней, напролом
Ворваться в мир, с его дорожным стуком.
Оглушит током или дернет звуком
И правильно, дружок, и поделом.

И правильно. Не надо повторять,
Что вот и жизнь, конечно, не сложилась —
Была бы только жимолость да живость,
А не сложилось — это наплевать.

Зима. Разруха. Голод. Гололед.
Скольжу вперед, и холодом колючим
Грозит январь. Насупленную тучей
Глядит в лицо обиженный народ.

Автобусы буксуют на ухабах,
Трамваи истерично дребезжат.
Такая жизнь, конечно, не для слабых,
А сильные от холода дрожат.

Не хочется прожить вот так — насупясь,
Закутав шею стареньким платком.
Поверить бы в себя, поверить в глупость
Иль помечтать о чем-нибудь таком.

Не хочется прожить шалтай-болтаем,
А хочется хоть плохо, да с собой,
Пусть без варенья, но с горячим чаем
И с твердым потолком над головой.

С пчелиным надоедливим жужжаньем,
С кузнечиком в полуденной траве.
Послушай, жизнь! Остаься хоть страданьем,
Трамвайным истеричным дребезжаньем,
Снежинкою на рваном рукаве...

Так, наверно, всю жизнь проживу .
В этом городе — хмуром и горьком,
Одуванчиком желтым во рву,
Ничего и не понявшим толком.

Возле Волги, а может, Оки
Меркантильный мирок завывает,
И в кармане лежат пятаки,
И в кармине заря догорает.

Слышу ветер, над ухом свистящий,
И все чаще является мне
Англичанин, рукой недрожащей
Написавший «Россию во мгле».

Ты не любишь меня, полукровка,
Куртизанка, путанка, страна,
Угловато, по-детски неловко
Наливая мне рюмку вина.

Я хлебал твою пищу в столовках,
Я в подъездах в трясучку играл,
Только был я, видать, не из ловких —
Ничего у тебя не украл.

Оттого и хожу я по миру,
И считаю карманную медь,
И менять не желаю квартиру,
Коли в этой дано умереть,

В этой сумрачной, краснокирпичной,
Где в обнимку блатняга да мат
Обитают, и дымом фабричным
Заштрихован карминный закат.

Тамбовским волком в сумерках осенних
Завоешь на шершавую луну,
Почувствуешь, что ты давно в плену
Своей тоски. Невольный собеседник.

Всех спорщиков растерзанной страны,
Никем не замечаемый страдалец,
Ходи, гуляй среди этой кривизны,
Плюй на страну, как сытый иностранец.

Стал недоступным сахарный песок,
И вышли в полночь варвары и гунны,
И вот мигрень стучит тебе в висок
Неутомимым пальчиком чугунным.

Берут за горло ложь и нищета.
В заплеванном подземном переходе
Все тот же мрак, торговля, суета,
И не горит звезда на небосводе.

И я теряюсь в этой суете,
И сильный ветер, бегая за мною,
У мальчика, что плачет в темноте,
Шесть легких крыл колеблет за спиною.

На Черной речке черная тоска.
Седой ковыль на склоне Машука.

Не сосчитав бесчисленных потерь,
Петлею затянулся «Англетер».

И, колокольной врезавшись в зенит,
На всю страну Елабуга звенит,

И слышен стон колючею зимой
Над Индигиркой, Леной, Колымой...

6

В том темном краю, где листва не дрожит
Царевна во гробе лежит.

Лежит, не поднимет тончайшей руки,
На мертвых глазах — пятаки.

Так слово поэта в гробу мировом
Лежит, околдовано сном.

В том темном краю, в заповедной глуши,
Воскреснет заветная тайна души,

Проснется царевна, воспрянет
И сердце прохожего ранит.

А всё же
жизнь прекраснее
стихов

И слышишь стоишь кончишь свой
Над горами твоими, кончишь...

В том же...
Царствуй...

Лежи...
На...
Так...
Лежит...

В том же...
Воскрес...

Пусть...
М...

А все же
жизнь
небесная
сильнее

* * *

Плеск весла на забытой реке,
Запах сена да серой пыли.
Две ракушки на желтом песке.
Как там все это, друг, по-латыни?

Vita brevis. Березовый лист
Пахнет детством и солнечной пряжей.
Летний воздух и ясен, и чист,
И гудок теплохода протяжен.

Так чего ж ты боишься, дружок?
Что закроются ясные очи?
Что увязнет в земле сапожок
И придут бесконечные ночи?

В этом нет ни вины, ни беды.
Прошлогодня высохла пашня.
На песке исчезают следы.
Это все мне ни больно, ни страшно.

Меньше было бы суетных слов,
Были б чувства да помыслы чисты,
Ветер свеж и шиповник багров,
И края облаков золотисты.

* * *

У берега Оки разбросаны ракушки,
Газетные куски, и вечна благодать —
По берегу ходить и вроде побирушки
На утреннем песке ракушки собирать.

Лишь тронет облака оранжевое утро,
Ты гимны воспоешь удачливой судьбе,
Увидев на песке кусочки перламутра,
И сказочная жизнь откроется тебе.

Напрасно говорят, что детство не вернется!—
Ты только отыщи ракушку на песке.
И сердце застучит, и в небо унесется,
И кроткая душа замрет на волоске.

* * *

От черемухи и от сирени
На асфальте узорные тени.
И в душе моей некая тень,
Хоть цветет надо мною сирень.

Боже праведный! Сколько на свете
Всякой тени, и сколько наитий
Заключается в каждом цветке!
Околдован узорною тенью,
И черемухой, и сиренью,
У дороги стою налегке.

Ленесток, на ладони упавший,
Говорит мне, что я — не пропавший,
Говорит мне, что чуден цветок
И черемухи, и сирени,
А еще под конец недели
Невеселой свободы глоток.

Я хочу быть счастливым и смелым!
И да будет сиреневым, белым
Мир жестокий, холодный, немой!
Пусть исчезнут постылые тени

И засветится мир от сирени
И черемухи кружевной.

Ибо нет ничего интересней
Этих гроздьев сиреневых, песни
Лебединой, надсадней, нежней,
А черемухи нет своевольней,
И мучительней, и трехдольней,
Почуйсь безрассудству у ней!

ШИПОВНИК

Шиповник расцвел. Неужели
До лета сумели дожить?
Опять лепестки заалели,
А значит, не надо тужить.

И будешь весьма озадачен
В толкучке сует и забот,
Услышавши гомон ребячий:
«Шиповник, шиповник цветет!»

Не все достигаются цели,
Но все же тебе повезло,
Что вновь лепестки заалели,
Вссм болям и бедам назло.

И видя цветущее чудо,
Забыв про судьбы произвол,
Ты плакать не будешь, покуда
Шиповник еще не отцвел.

* * *

Чем дальше от шума, тем легче тяжелой душе.
От внутренней грусти избавишься в сумрачной
чаще,
На светлом лугу, или на опустевшем шоссе,
Где тихие ветви берез так тонки и щемящи.

Пускай подорожник залечит знакомую грусть,
И солнечный луч ободрит на зеленой поляне,
И в теплую землю уйдет опостылевший груз
Тревог и невзгод, и несбывшихся тайных желаний.

Послушаю ласточек ласковый щебет и свист —
От всяческой боли весьма плодотворное средство,
Увижу на ветке дубовый надрезанный лист,
В оборках зеленых и с железом крепким
в соседстве.

И в жизни бегущей, что слишком сложна и
проста,
Ничто не сумею назвать благодатнее лета,
И этого длинного, с вырезкой тонкой, листа.
Быть может, вся жизнь — лишь одно ощущение
это.

* * *

Какая больная истома
Заполнила воздух пустой!
Скорбит возле ветхого дома
Малины седой сухостой.

Дойдешь до притихшей беседки,
Услышишь, как льется строка,
Как падает яблоко с ветки,
Как ветер свистит у виска.

Эвтерпа худа и убога,
Прозрачна, невзрачна, бледна,
И вянет она понемногу,
И в счастье не верит она.

И вот уже осень сырая
По саду идет напролом,
То стихнет, то снова взывает
Знакомая боль под ребром.

И старый лопух у дорожки
Не помнит, была ли весна.
И, пьяная, лезет в окошко
Кривая моя бузина.

* * *

На сельском кладбище, где вечна тишина,
Не о бессмертии трухлявом, не о славе —
О тонком имени. О дуновеньи сна.
О муравье, что возится в канаве.

На сельском кладбище, где свищет соловей
Надрывисто, не надо об измене.
О тонком имени. О близости кровей.
О ссадине на девичьем колене.

О всех, ушедших в светлое Ничто,
В земле лежащих — глухо, безымянно.
О правде, справедливости, во что
Мы все же верим, как это ни странно.

А все же жизнь прекраснее стихов!
Смотрю на стаю белых облаков
И не могу никак налюбоваться.
И Чехова вспомянешь, глядя вдаль —
Да, облако похоже на рояль,
Но все-таки не стоило стреляться.

Не стоило твердить, что мир нелеп.
Кто так решил, тот был, наверно, слеп
И обделен к тому же тонким слухом.
Красивым строчкам можно изменить,
Тетрадку сжечь, но можно ль не любить
Всю эту жизнь, свистящую над ухом?

ДОЖДЬ В САДУ
(венки сонетов)

1

Дождь говорит последние слова.
Но сколько их, последних, я не знаю!
Куда ни глянешь — мокрая листва,
Знакомая мелодия сквозная.

Ах, до чего ж та песня не нова!
Так жизнь проходит — просто и жестоко.
Мне одному совсем не одиноко,
Еще бы не болела голова.

Проходит все. Мне нечего жалеть.
Скорей бы небо начало светлеть —
С тоской дождливой хочется расстаться.

Но вот уже листва не шелестит
И над малиной бабочка летит,
И начинается небо просветляться.

2

И начинается небо просветляться —
Не сразу, понемножечку, слегка,
Стрекозы над крыжовником кружатся,
Забыв про дождевые облака.

С надеждами не надо расставаться,
Поскольку дождь не может лить всегда,
И как бы ни любила нас вода,
Она имеет свойство испаряться.

Через минуту все вокруг воскреснет!
Последних капель трогательна песня —
Такие в ней печальные слова,
Которые Пьеро и тот не сложит.
Пусть солнца нет и пасмурно, но все же
Как зелена зеленая трава!

3

Как зелена зеленая трава!
Оттенками зеленого согрета
Природа вся, и эти кружева
Зеленые так любит только лето.

И самые счастливые слова
Приходят на язык, и так красиво
Вздывают ветви яблоня и слива!
Как шелестит зеленая листва!

Прекрасно лето в средней полосе,
И эта жизнь в простой своей красе,
Которой не устанешь наслаждаться —

Обман, мираж, зеленый вечный бред,
Все прочее затмил зеленый цвет,
От зелени мне некуда деваться.

4

От зелени мне некуда деваться.
Сплошная зелень кружится в глазах!
Они, наверно, скоро мне приснятся —
Травинки эти, листики в слезах.

Но с ними невозможно объясняться.
У них зеленый, молодой язык —
Как русский, как немецкий, хоть привык
Зеленый мир латынью называться.

O ribes rubrum, ribes nigrum, prunus,
Fragaria et rubus... Deus unus!
Бредут легионерами слова!

И хочется бежать от всякой боли.
Но знаю я — царапают и колют
Крыжовника крутые кружева.

5

Крыжовника крутые кружева
Красивее воротничков Эль Греко.
Они понятней даже, чем слова
О красоте и силе человека.

От слов таких кружится голова
И кажется, что все светло и свято,
Но в них, гладчайших, прячется расплата,
Меж буквами заметная еда.

Расплата за эсера-чудака,
За манию величия сверчка,
За христианства страсти неземные —

Ведь никакого смысла в жизни нет —
Есть только старой яблони скелет,
Смородины застежки смоляные.

6

Смородины застежки смоляные!
Малины алой брызги на листьях!
Остановить бы эти сны земные,
Но чьи-то тени прячутся в кустах.

Приходят мне видения иные —
Скуратов-Бельский едет на коне,
Под черепичной крышей, при луне
Сдвигают кружки рыцари хмельные.

В немецкой, в русской крови — чья вина?
Вздыхает за беседкой бузина,
Там, за забором, стонут позывные.

Вороны так настойчиво кричат!
Лишь дождик прекратится, зазвучат
Кузнечика шептания родные.

7

Кузнечика шептания родные
Что только не напомнят в этот час.
Луга приятно вспомнить заливные,
Но я другое в памяти припас.

Я помню, как потоки ледяные
Мне заливали душу, и в крови,
В глухой дыре, в чертогах нелюбви,
Она влачила дни свои земные.

Мир корчится в смирительной рубаше —
Повсюду тюрьмы, виселицы, плахи,
Стальные прокурорские слова,

Не убежать на берега другие —
Везде с тобой бронхит да невралгия,
Да бедная больная голова.

8

Да, бедная больная голова
Кружится от вселенской круговерти.
Не помогают бодрые слова,
Когда нахлынут помыслы о смерти.

Идет Пьеро. Свисают рукава.
Воротничок изыскан и воздушен.
Чуть розовеют маленькие уши,
Глаза воловьи высохли едва.

Он слаб и не похож на садовода.
Что ж — такова мечтателей порода,
Одно умеют — только слезы лить.

Мне дурно, Зигмунд! Толчется в передней
Постылый рой навязчивостей, бредней.
Нет Фауста. Мгновенья не продлить.

9

Нет Фауста. Мгновенья не продлить.
Грядущее в неведеньи сокрыто.

О прожитом не стоит говорить —
Оно и так печально, Маргарита.

Но как печаль развеять? Как сменить
Дождливый день на солнечный? Такое
Тебе не снилось, черт. Махнуть рукою
Осталось только и повременить.

Жизнь, как и дождь, порядком надоела.
Ты, Фауст, прав — в начале было дело,
И это дело не остановить.

Оно растет и крепнет год от года,
Меняет форму горная порода,
А мелкий дождик продолжает лить.

10

А мелкий дождик продолжает лить —
Не все равно, на Рейне ли, на Волге
Твой сад стоит — ничто не изменить
В текущей жизни — суетной, недолгой.

К чему слова пустые говорить!
Печально небо, дождь неумолимый
Продрогшему наскучил серафиму —
Шесть крылышек нам надо просушить.

Ах, как там по-немецки — Was ist das?
То смутное, волнующее нас
Сознание, что вечно только горе?

И в ужасе от жизненных невзгод,
Ища напрасно лодку или плот,
Букашка в луже плавает, как в море.

Букашка в луже плавает, как в море —
 Все кончено. Бедняжку не спасти.
 Лихой поток ее поглотит вскоре —
 Беды непредсказуемы пути.

Как вкрадчиво, как вероломно горе!
 Еще вчера нектары пить в цветке,
 Разглядывать узор на потолке,
 О смертном и не зная приговоре.

Печален день. Высокая на диво
 В саду соседнем выросла крапива —
 Она стеной колючею встает

Над ручейком со ржавою водою,
 Все шепчется с полынью, лебедою...
 В саду соседнем дел невпроворот.

В саду соседнем дел невпроворот —
 Он превратился в листовенную чашу.
 Но вот пора для сада настает
 Почуять нрав хозяйки настоящей.

Дождь все канючит, хмурен небосвод,
 Былое просветленье миновало,
 И облака лепное одеяло
 Проникнуть солнцу снова не дает.

Уже букашка в луже утонула,
 Под мокрой вишней бабочка уснула,
 В свою нору забился хмурый крот.

Я вижу — не с лопатой и не с лейкой,
В истлевшей юбке, в рваной телогрейке
Безносая хозяйюшка идет.

13

Безносая хозяйюшка идет,
Ее глаза изъедены червями,
В руках коса, открыт щербатый рот,
Облепленный до горла муравьями.

Как много у нее теперь забот!
Походка величава и красива,
И падает у ног ее крапива,
И каждый шаг изучен наперед.

Ей все равно — сорняк или цветок.
У всех живущих есть один итог,
Как у букашки, плавающей в море,

Вот почему так равнодушен взмах
Руки ее — идет на всех парах
И косит одуванчики под корень.

14

И косит одуванчики под корень,
Пахучую полынь и лебеду.
Мудрец немецкий! Даже ты не волен
Остановить хозяйку на ходу.

Наполовину сад уже просторен —
Там только копны сена да пеньки,
Трава всю летит из-под руки
Да воронье скучает на заборе.

Но что это? Как из пальто навыворот
Из тонкого пенька листочек вылез —
Неужно эта яблоня жива?

Наверное, в начале было чудо.
Тебе дано понять его, покуда
Дождь говорит последние слова.

МАГИСТРАЛ

Дождь говорит последние слова,
И начинает небо просветляться.
Как зелена зеленая трава!
От зелени мне некуда деваться.

Крыжовника крутые кружева,
Смородины застежки смоляные,
Кузнечика шептания родные
Да бедная больная голова.

Нет Фауста. Мгновенья не продлить.
А мелкий дождик продолжает лить,
Букашка в луже плавает, как в море,

В саду соседнем дел невпроворот —
Безносая хозяйюшка идет.
И косит одуванчики под корень.

СОДЕРЖАНИЕ

ТОЛЬКО РУССКАЯ РЕЧЬ

«Снова голые ветви, и эта осенняя хмарь...»	9
«Такая любовь не проходит...»	9
«Не просто уменьье «дожди» и «приди» рифмовать...»	10
Облако	10
«Двадцатое августа. Проводы лета...»	11
«Белые бабочки кружатся над капустой...»	12
«О, как знакомо мне медлительное лето...»	13
«У Достоевского слова тяжеловаты...»	13
«Иннокентия, Осипа, Анны...»	14
«О, как зябко сегодня во внешнем бущующем мире!»	15
Чардаш	16
«Вот я снова в притихшем саду...»	17
Самолетик	18
«Есть на свете страна под названьем Корея...»	18
«Такие были времена...»	19

ЕДИНСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

«Во дворе, где я вырос, березы и тополя...»	23
«Опять соблази по лестнице взойти...»	24
«И будет тревога тебя допекать...»	25
«Поговорить бы с бабушкой хоть раз...»	25
Воспоминание о мигрени	26
«Моя прабабушка ютилась в коммуналке...»	27
«Единственная жизнь... Единственная? Что вы!»	28
«Был томителен школьный урок...»	28
«Вспоминаю малинник резной...»	30
«Вспоминаю город из белых плит...»	31
«Не какой-то мираж, и не сон, и не прочая чушь...»	32
«Ветлуга, Керженец, черника, костяника...»	33

«Мне б только услышать шептанье балтийской волны...»	34
«Причалить к берегам Голландии туманной...»	34
«В судьбу чужую лучше не входить...»	35
«Тихой стопою в покои прошел шах...»	36
«Жук-плавунец не хуже остальных...»	37
«В рабочей столовой все бегаёт взад и вперед...»	38
«Он тихо умер от инфаркта...»	38
«Мне бы тоже хотелось счастливо прожить...»	39

НА ВЕТРУ, ПОД СКВОЗНЫМ ЛИСТОПАДОМ

«Цепляешься за жизнь — за скатерть на столе...»	43
«Будет другое, и третье, и малая часть...»	43
«И не в этом беда, и не в этом таится печаль...»	44
«Из этой страны, где полгода зима...»	45
«Никуда не уйти от земли...»	46
«Срубили березу, и желтый пенек...»	47
«Какая желтая, о Господи, луна!»	47
«Скелетики кустов. Колючая зима...»	48
«Все вторично — и пыль на стекле...»	48
«Боль моя, невралгия, уймись наконец...»	49
«Я проснулся с больной головой...»	50
«Меня свихнувшийся февраль...»	51
«В автобусах толкаться надоест...»	51
«Ожиданье автобуса словно конец жизни...»	52
«На сиденье в автобусе, место себе выбирая...»	53
«Постылая зима роняет снег воздушный...»	54
«Там был когда-то свет, но нет его теперь...»	54
«Снега усталые над родиной идут...»	55
Из цикла «Темнота»	
1. «До звезды не коснешься рукою...»	56
2. «Такую жизнь уже не разлюбить...»	56
3. «Так, наверно, всю жизнь проживу...»	58
4. «Тамбовским волком в сумерках осенних...»	59
5. «На Черной речке черная тоска...»	59
6. «В том темном краю, где листва не дрожит...»	60

А ВСЕ ЖЕ ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНЕЕ СТИХОВ!

«Плеск весла на забытой реке...»	63
«У берега Оки разбросаны ракушки...»	63
«От черемухи и от сирени...»	64
Шиповник	65
«Чем дальше от шума, тем легче тяжелой душе...»	66
«Какая больная истома...»	66
«На сельском кладбище, где вечна тишина...»	67
«А все же жизнь прекраснее стихов!»	68
Дождь в саду (венки сонетов)	68

Евгений Ростиславович ЭРАСТОВ

ОБЛАКО

Стихи

Редактор Т. В. ТОРЕЕВА

Художественное оформление —
А. Н. ЕВСТИФЕЕВ

Технический редактор Г. Н. ЗАЙЦЕВА

Корректоры Т. В. ТОРЕЕВА, М. Н. ПАВЛОВА

Сдано в набор 20.05.93. Подписано к печати 28.09.93

Формат 70×100¹/₃₂. Бумага писчая. Гарнитура литературная.

Печать высокая. Усл. печ. л. 3,5. Уч.-изд. л. 2,45.

Тираж 2000 экз. Заказ 2091. С0014.

Нижегородский медицинский институт.
603005, Нижний Новгород, пл. Минина, 10/1.
Издательство НГМИ.

ГП «Держинская типография».
606025, г. Держинск Нижегородской области,
проспект Циолковского, 15.

ЦБС Приокского района

* 3 6 3 7 9 4 *

2602

